Д. КЛЕНОВСКИЙ

Неуловимый спутник

«Сполохи»
1956

Неуловимый спутник

того-же автора

«Палитра» стихи. Распродано.

«След жизни» стихи. 1950 г. Распродано.

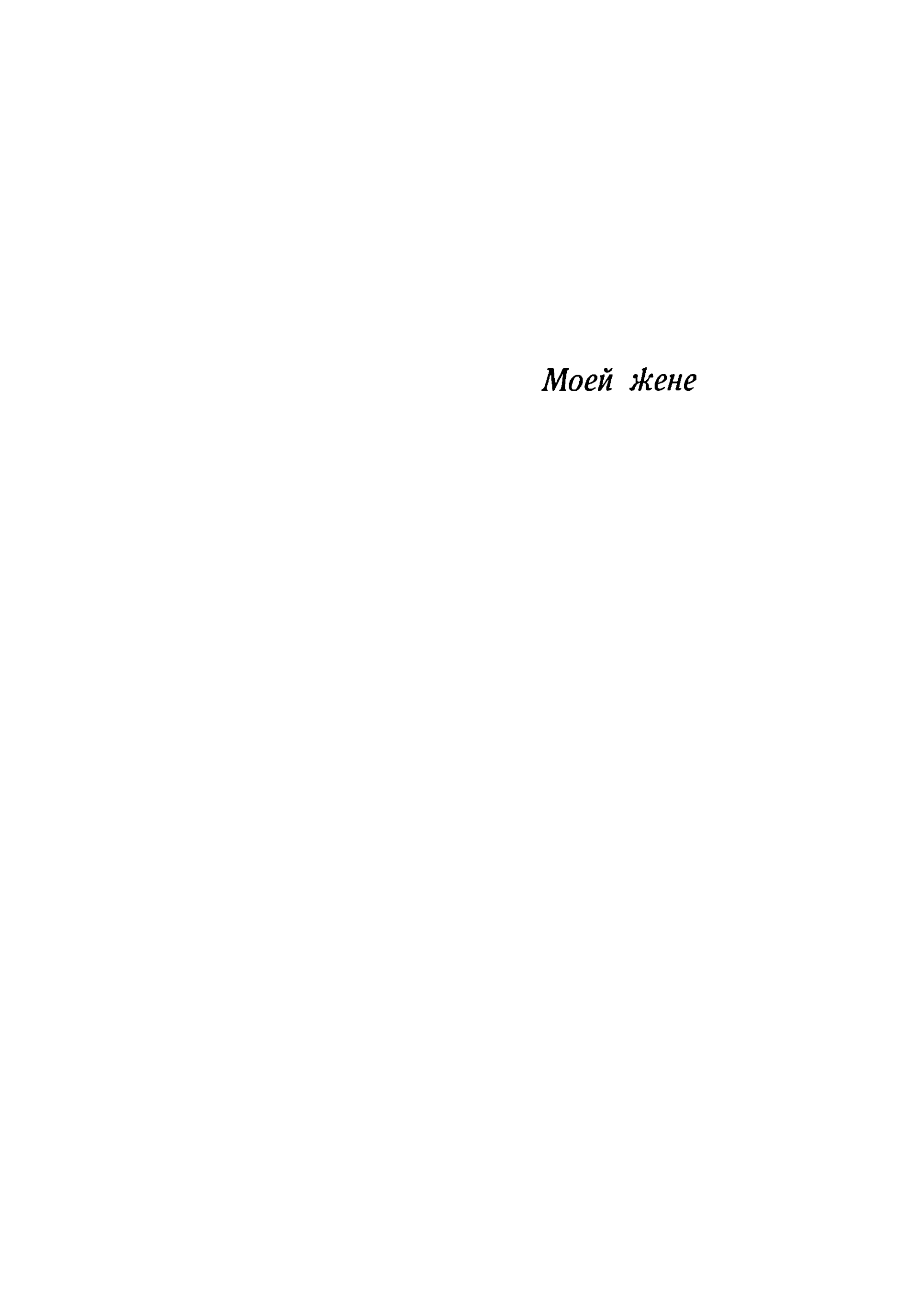
«Навстречу небу» стихи. 1952 г. Можно приобрести в книжных магазинах «Посева».

Д. КЛЕНОВСКИЙ

Неуловимый спутник

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВ

«Сполохи»
1956

Моей жене

Моя душа, как ты бедна,
Когда в мои рядишься строки!
Они, как волны ото дна,
От тайников твоих далеки.

В них мимолетное живет,
В них не ответы, лишь вопросы,
Короткий всплеск дробимых вод,
Глубинных таинств отголосок.

А там, где мрак и тишина,
Там дремлют редкостные клады,
Там навсегда погребена
Немая мощь моей армады.

Лишь иногда ночной прибой
В своем скитаньи нелюдимом
Швырнет на камни золотой, —
Дукат-другой казны незримой.

В ладони, завистью томим,
Иной их взвесит со злорадством,
Но разве можно счесть по ним
Мое несметное богатство!

1953

РОДИНЕ

1

Между нами — двери и засовы.
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу тебе высоким словом,
На чужбине я служу — тебе.

Я сейчас не мил тебе, не нужен,
И пускай бездомные года
Всё петлю затягивают туже —
Ты со мной везде и навсегда.

Как бы ты меня ни оскорбила,
Ни замучила, ни прокляла,
Напоследок пулей ни добила —
Ты себя навек мне отдала.

Пусть тебя еще неволит ворог,
И еще не скоро ты поймешь,
Как тебе желанен я и дорог,
Как меня жалеешь ты и ждешь.

Душное минует лихолетье,
Милая протянется рука . . .
Я через моря, через столетья
Возвращусь к тебе издалека.

Не спрошу тебя и не отвечу,
Лишь прильну к любимому плечу
И за этот миг, за эту встречу,
Задыхаясь, всё тебе прощу.

1952

2

Странно, в ненависти иной
Больше близости, чем в любови . . .
Ненавидя тебя, я твой
Всем горячим биеньем крови.

Ненавидя тебя, я весь,
Без остатка, тебе обещан,
И всегда ты со мною, здесь,
Безответной моею вещью.

Эта ненависть солона
Раскаленной и едкой солью,
Выедает глаза она,
Жалит горло щемящей болью.

И не смотришь и не поёшь,
Только, шаря рукой в кармане,
Режешь пальцы о ржавый нож,
Не тебя, а себя им раня.

Если всё-таки в трудный час
Суждена мне с тобою встреча —
Только бельмами мертвых глаз
На твой пристальный взгляд отвечу.

Проведешь ты по ним рукой
И поймешь, что не мог иначе,
Что пред ненавистью такой
И любовь ничего не значит.

И впервой приоткрыв уста,
Молвишь, тем-же, чем я, томима:
— Чтоб меня ненавидеть так,
Как ты любишь меня ! . . . — любимый!

1952

КОГДА ВЕРНУСЬ

Мачеха в дом мой родной вошла,
Свела наговором отца в могилу,
С жабьей начинкой пирог спекла,
Лампадку задула и котят утопила.

С ней мне не жить! И подался прочь
Нищим мальченком, босым и рваным,
В черную, злую, глухую ночь,
В черные, злые, чужие страны.

Жизнь моя с виду не так плоха:
Днем — с земляками играю в прятки,
Ночью... — кто ночью меня слыхал?
Зубы в подушку — и всё в порядке.

Дома, известно, беда и стыд,
Чахнут меньшие, что лен в бурьяне.
Мачеха косится и сопит,
Ножик поточет и в щелку глянет.

Верится только — не век страдать,
Правды хоть мало, но есть на свете.
Как ни живуча карга, а, глядь,
Переживут ее всё-же дети!

День подойдет — и вернусь назад.
Знаю, найду лишь забор да стены.
Взглянут меньшие с тоской в глаза...
Чем накормлю их, во что одену?

Нету для милых мошны тугой,
Пряников сладких, цветных нарядов...
Перекрестясь на угол пустой,
С ними за стол их убогий сяду.

Корку предложат — и той я рад,
Сам-же, коль нет ничего другого,
Тем поделюсь, чем одним богат:
Светлой улыбкой и чистым словом.

1952

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТИХИ

1

Когда я, мальчиком, с тобой дружил,
Прекрасный город одиноких статуй,
Густой сирени и пустых дворцов,
Тебя еще не посетили беды:
Твой Гумилев был юношей веселым,
Ахматова — влюбленной гимназисткой,
А Иннокентий Анненский еще
Не задохнулся на твоем вокзале,
И даже Пушкин твой казался мне
Еще не мертвым и не взрослым даже,
А шумным одноклассником моим.

Прошли десятилетия. Не счесть
Твоих утрат. Твои дворцы во прахе
Лежат. Твои поэты казнены
Презреньем, пулею или молчаньем.
И только имя Пушкина одно
Еще, как встарь, сияет над тобою
Прекрасным обещанием, залогом
Грядущей правды.

1954

2

Казненных муз умолкший городок!
Ты сам отрекся от своей-же славы,
Ты грязной тряпкой вытер след кровавый
И притаился... Или изнемог?

И странно: в нашей нищенской судьбе,
Не чающей ни милости, ни срока,
В чужой ночлежке нашего далёка
К тебе мы ближе, чем ты сам к себе.

Для нас одних звучат твои сады,
И шевелятся статуи, и зданья
Хранят неизгладимые названья
И даты несмываемой беды.

И обезглавленных тобою муз
Еще садятся тени рядом с нами
И говорят стихами и слезами,
И знаем мы: «прекрасен наш союз!»

...Ты значишься на карте? Это ложь!
Тебя там нет, — мы тоже знаем это!
Ты вместе с нами странствуешь по свету
И вместе с нами — скоро! — ты умрешь.

1953

3

Наверно там еще и ныне
Цветет сирень, журчит вода
И дева бронзовая стынет
У лебединого пруда.

Но что-то стало там иначе,
Как если-бы в иной предел
Какой-то гений отлетел...
Но кто заметит? Кто заплачет?

1955

НЕ ЗАБЫТОЕ, НЕ ПРОЩЕННОЕ

Когда весной — чужой весной! —
Опять цветет сирень,
Тогда встает передо мной
Мой царскосельский день.

Он тронут ранней сединой,
Ему — под пятьдесят,
Но молодой голубизной
Его глаза горят.

Он пахнет морем и руном
Гомеровской строки,
И гимназическим сукном,
И мелом у доски;

Филипповским (вкуснее нет!)
Горячим пирожком,
Девическим, в пятнадцать лет
Подаренным, платком . . .

Стучит капéль, оторопев
На мартовском ветру,
Звенит серебряный припев
Кавалерийских труб,

И голуби, набив зобы,
    Воркуют на снегу.
...Я всех забыл, я всё забыл,
    А это — не могу!

*

За годы зла, за годы бед,
    Со мной друживших там,
Привык терять я даже след
    К покинутым крестам.

Я схоронил отца и мать,
    Я схоронил друзей,
Но их мне легче вспоминать,
    Чем запах детских дней.

Всё, чем согрела жизнь меня,
    Я растерял — и пусть!
Вот даже Блока больше я
    Не помню наизусть.

И стало тесно от могил
    На дальнем берегу.
...Я всех, я всё похоронил,
    А это — не могу!

*

Когда я думаю, что вот
    Там всё теперь не так,
И тот, кто песни там поёт,
    Не близок мне никак;

Со мною августовским днем
    Не вспомнит злую весть,
Не скажет: «Вот сейчас, вдвоем,
    «Костер»-бы перечесть!»

Когда я вспомню, что поэт,
    Что всех дороже мне,
Убит, забыт — пропал и след! —
    В своей родной стране;

Что тот, кто нам стихи сложил
    О чувстве о шестом, —
И холмика не заслужил
    С некрашеным крестом;

Что даже в эти, в наши дни
    На невском берегу
Его и мертвого они
    Как волка стерегут —

Тогда я из последних сил
    Кричу его врагу:
Я всем простил, я всё простил,
    Но это — не могу!

1955

Те пармские фиалки на окне,
Что выходило на Неву, завяли.
Их нет давно. И нет Невы. И нет
Меня, которого узнал едвали-б,
Когда-бы нынче встретил. Он хранил
Еще наивность детства, нежность, жалость,
Писал стихи и девушку любил,
Что, — нет не с ним, — с другими целовалась.
Где он теперь? Его давно уж нет.
Его убили. Нет, совсем не люди.
Так просто где-то затерялся след,
И лучше мы о нем совсем забудем.
А то он будет ночью в дверь стучать,
Заглядывать в окно, слезлив и жалок,
И требовать любви, Невы, фиалок...
А что ему ответить? Что подать?

1955

О, только-бы припомнить голос твой —
Тогда я вспомнил-бы и этот город,
И реку (не она-ль звалась Невой?),
И колоннаду грузного собора,
И тонкий шпиль в морозной вышине,
И сад в снегу, такой нелетний, голый...
О, если-б голос твой припомнить мне,
Твой тихий голос, твой далекий голос!
Что это всё мне без него? А он...
Он потонул, как все тогда тонули:
Без крика, без письма, без похорон,
В тифозной качке, в орудийном гуле,
С последней шлюпкой, на крутой волне
Отчалившей от ялтинского мола...
О, если-б голос твой приснился мне,
Твой дорогой, твой потонувший голос!

1955

ВЕСНОЙ

Уже серебрятся ветки
У старых печальниц-ив,
Вздох ветра сквозь ельник редкий
Так нежно-красноречив.

Настойчивей стали реки,
Податливей — берега.
...Лишь повесть о человеке
Мучительна и долга.

А здесь всё быстрей и проще,
Всё радостнее стократ:
Легко зеленеют рощи,
Легко расцветает сад.

А сколько душе скитаний
Покамест она пройдет,
Как этот подснежник ранний,
Сквозь этот тяжелый лед!

1954

ЧИСТОТА

Есть недоброе что-то в том,
Что к себе чистота нас манит.
Чистота . . . Кто ее тайком
Не растопчет и не обманет?

Упоительнее всех нег
С чистотой быть беспечно-грубым:
Резать лыжами свежий снег
И девичьи неволить губы.

Будь названье твое цветок,
Утро, девушка иль страница —
Чистота, твой недолог срок,
Он всего лишь мгновенье длится.

Почему везде и во всём
Чистота или вся в былом,
Иль вот-вот облететь готова
От дыхания, взгляда, слова . . .

Чистота, как тебя сберечь,
Братом рядом с тобою лечь?

1955

Дряхлеют вечные слова,
И страшно пользоваться ими.
Они порой едва-едва
Живут под пальцами моими.

Напишешь и глядишь: уже
Они тускнеют на странице.
О, сердце, будь настороже,
Подумай, стоит-ли трудиться?

Сердить людей, сердить богов,
Противоречить всем законам,
Чтоб мутной изморозью слов
Растаять на стекле оконном.

1953

С тех пор, как сердце заблудилось,
А тело предало меня —
Так хороша простая милость
Нетрудно прожитого дня.

Он начался кустом сирени
За приотворенным окном
И был без писем, без мигрени,
Без сожалений о былом.

Вот он уходит, потревожен...
Опять уже щемит виски...
Возьми меня с собою тоже
Туда, где все как ты легки.

1955

Вот она идет со мною рядом,
Девушка с «Онегиным» в руке.
Мы заброшенным спустились садом,
Мы выходим к дремлющей реке,
Растянулись на ковре весеннем,
Оба в золоте и синеве,
И пока презрительный Евгений
Возле нас скучает на траве,
А вокруг крылатым аллилуйя
Тополя и яблони звучат —
Родинку лукавую целую,
Ту, что возле правого плеча.

Миновалось всё, переменилось,
Дразнит лишь порой издалека,
И одна бессмертной сохранилась
Пушкинская легкая строка.
Та, что в то сияющее утро,
Той неповторимою весной,
Не нужна была совсем как-будто,
А теперь — одна еще со мной.

1953

В том, что вчера не причиняло боли,
Уже сегодня странный привкус есть.
Еще, конечно, можно выйти в поле,
И закурить, и Фета перечесть.
Но даже в Фете, в поле, в папиросе —
Уже горчинка уходящих дней,
Предчувствие разлуки... Хочешь, спросим,
У смерти спросим (ей-то ведь видней!),
Что остается от благоуханных
Земных страниц, волокон и копён?
Она ответит: пепел безымянный.
И вот во всём мне нынче виден он.

1954

Последний трепет бытия,
Мучительное содроганье —
И вот уже свободен я
От неуменья и незнанья.

Зачем-же книги я листал
И к прорицателям стучался,
Зачем искать не перестал
Того, чего не доискался?

Нет, надо было просто ждать,
Глядеть в окно, бродить по саду
И не записывать в тетрадь
Моих рифмованных догадок.

1953

С тем, кто глаза закроет мне
В какой-нибудь большой больнице,
Я повстречаюсь как во сне
И не успею подружиться.

А может быть и в тот-же день
И той-же самою ладонью
Приблизит он к лицу сирень
И грудь девическую тронет.

И тем (да будет меж людьми
Его благословенно имя!)
В последний раз еще на миг
Соединит меня с живыми.

1954

РАЗ В ГОДУ

По старинному православному верованию, за самоубийц можно молиться только раз в году — за пасхальной обедней.

На отшибе, за погостом,
    Возле двух осин,
Он лежит уже лет со ста,
    Без креста, один.

Выступает чуть заметно
    Низкий бугорок,
Залетает неприветно
    Пыльный ветерок.

Люди кромкою дорожной,
    Не взглянув, идут...
За него молиться можно
    Только раз в году.

*

Что ни ночь — ко мне приходит,
    У стола стоит,
Разговор со мной заводит
    Про дела свои.

В каждом слове — боль обмана,
    Боль глухой тоски.
У виска чернеет рана
    От своей руки.

Чем тебя я успокою,
    Боль твою уйму?
Как помочь земной рукою
    Горю твоему?

Жребий твой — страстнóе бремя,
    Темная стезя.
Ведь тебя в любое время
    Помянуть нельзя.

За тебя нельзя до срока
    И свечи зажечь,
Под осиной, под высокой,
    Рядом в землю лечь.

Ты живешь во тьме острожной,
    В ледяном аду.
За тебя молиться можно
    Только раз в году.

*

Что ни ночь — длинней свиданья,
    Тише разговор,
И глядят воспоминанья
    На меня в упор.

Всё, что жизнь сожгла былая,
    В них возвращено.
Гость мой страшный, знаю, знаю:
    Мы с тобой — одно!

Это я из давней были
    Сам пришел к себе,
Чтоб за всех, кто мною были,
    Заплатить судьбе.

И в земной моей неволе
    Сам отныне тот,
За кого никто не молит
    И свечи не жжет.

Для кого в одном тревожном
    Всё слилось бреду,
За кого молиться можно
    Только раз в году.

*

Дорогая, ты далёко!
    Слышишь-ли меня?
Не проспи скупого срока,
    Жертвенного дня!

Ночью северной, хрустальной,
    В дальней стороне,
За обедней, за пасхальной,
    Вспомни обо мне!

Окропи меня слезою,
Осени крестом,
Похристосуйся со мною
Мне солгавшим ртом!

Вспомни, как меня любила,
Как клялась, пока
На прощанье подарила
Рану у виска!

Отыщи к далекой были
Заметённый след,
Вспомни, как мы жизнь разбили
В девятнадцать лет!

Вспомни холмик придорожный!
Не забудь — я жду!
За меня молиться можно
Только раз в году.

1954

ПРОЩАНЬЕ С ТЕЛОМ

Пора! Я медлю у предела
И скоро перейду его,
И навсегда закончит тело
Свое земное торжество.

И станет чуждым несказанно,
И странно будет мне извне
Его увидеть безымянным
На обмелевшей простыне.

Вот ты каков, мой спутник тленный,
Со мной обвенчанный двойник,
К чьей близости я постепенно
Как будто к каторге привык!

И всё-таки перед разлукой
Тебя за всё благодарю!
Ведь было ты земной порукой
За душу звёздную мою.

Как бережно ты было с нею
И как всегда терпело ты
Ее смертельные затеи,
Ее безумства и бунты!

Ты с нею всё делило ровно,
Что было лишь тебе дано:
Своих прекраснейших любовниц,
Свое тончайшее вино.

Ты знало (и давно простило),
Что жребий у меня — иной,
Что завтра у твоей могилы
Заплачут только надо мной.

И даже я, в скитаньях звёздных,
В моей заоблачной судьбе,
Невольно, рано или поздно,
Навек забуду о тебе.

1955

Когда душа поймет урок
И удивляться перестанет,
Тогда на некий светлый срок
Она провидицею станет.

И примет всё она тогда:
И нищету, и боль, и эту
Сквозь раскаленные года
Стремглав летящую планету.

И станет дивно внятен ей,
Пускай еще неиз'яснимо,
Весь этот странный строй вещей,
Жестокий и необходимый.

1952

Если я лишь песчинка тленная
На пустом берегу земном —
Для чего-же тогда вселенная,
Мой огромный, мой страшный дом?

Для чего тогда звезды прядают,
Солнца зреют и луны ждут,
За кладбищенскою оградою
Что ни лето цветы цветут?

От сияния до мерцания,
От звезды и до лепестка —
Всё немолчное обещание,
Вдаль протянутая рука.

Тольковвериться, только вслушаться —
И узнаешь ты и поймешь,
Как деревья и царства рушатся,
Колосится душа и рожь.

И в чудесном каком волнении,
Вырываясь из всех оков,
Всё спешит к своему свершению,
На какой-то далекий зов.

1952

В легкой роще, в это утро мая
Пеньем птиц пронизанной насквозь,
Наяву или во сне, не знаю,
Повстречаться с ним мне довелось.

Он скользнул сквозь дрогнувшие ветки
На затрепетавшую траву,
Ждал меня, мучительный и светлый,
Звал меня,— во сне иль наяву?

— Ангел мой! — сказал я. — Почему ты
Для меня — на дальнем берегу?
Почему я ни одной минуты
Здесь побыть с тобою не могу?

Почему ты только гул прибоя,
Дымный луч, волнистая стезя?
Почему ни говорить с тобою,
Ни тебя увидеть мне нельзя?

. . . Облако-ль внезапно набежало,
Паутинка-ль оборвалась сна —
Только вдруг, гляжу, его не стало,
Снова только роща и весна.

Но ответ еще листву колышет,
Пригибает долу стебли трав:
«Надо услыхать меня, не слышав,
И меня увидеть, не видав!»

1953

Вспорхнув, крылом меня задела,
Неуловима и легка.
Не из иного-ли предела
Ко мне простертая рука?

Толкнуть вперед хотела или
Остановить и уберечь?
Зачем гадать! Мы не учили
Грамматику нездешних встреч.

Мы просто ничего не знаем
И вот в невежестве своем
Прикосновенья забываем
И шорохов не узнаём.

А завтра, смотришь, лодка тонет,
Лжет поцелуй, густеет мгла . . .
О, если-бы вчера я понял
Заботу твоего крыла!

Но ты простишь, само терпенье,
Лишь покачаешь головой,
Мой легкий ангел (весь — паренье!),
Неуловимый спутник мой!

1954

Как больно утром забывать
Всё то, что ночью мне приснилось,
Как больно видеть, что опять
Совсем напрасно сердце билось.

Оно взглянуло за черту,
В неизреченную безмерность,
Но где-ж ему поверить в ту
Прекрасную недостоверность?

Как с гибнущего корабля,
Оно с собой спасло оттуда
Не то, чего ждала земля,—
Не откровение, не чудо,

А только несколько скупых,
Косноязычных обещаний,
И вот на отмели, в тумане,
Изнемогает возле них.

1953

По дороге в смерть, далеко от дома,
Там, где тропка уводит в овраг сырой,
Повстречался я с мальчиком незнакомым,
Что, таясь за кустами, следил за мной.

Я спросил его, кто он, и он ответил,
Он сказал мне тихо: я — это ты!
Или думал кого ты другого встретить
У последней, у черной своей черты?

Я пришел узнать, что сталось со мною,
Не напрасно-ли в те далекие дни
Я карабкался вверх вот этой тропою,
По которой теперь ты уходишь вниз?

— Не напрасно, нет! — ему я ответил.
Не напрасно ты в поле песенки пел,
К птицам прислушивался на рассвете,
Со звездою дружил и котят жалел.

Потому-что, мой мальчик, песенки эти,
Твои котята, твоя звезда —
Это всё, чем я был и хорош и светел,
С чем одним только я и добрёл сюда!

1952

Вот она, моя любимая,
Ненаглядная моя,
Летним облачком хранимая
От ожога бытия.

Шла да шла своей дорогою,
А оно над ней плыло,
Легкой тенью мягко трогая
Запыленное чело.

Сохранило — и растаяло.
Вот и вечер на дворе...
И стоит она, усталая,
Но ясна, как на заре.

Всех, кого встречает, радуя
Тем, что день не иссушил:
Этой утренней прохладою
Необугленной души.

1953.

Я видел только край щеки
Да локон у виска,
Но знал: всем безднам вопреки
Тебя я разыскал!

А наверху в косом луче
Струистый ладан гас,
И жарко пчелами свечей
Гудел иконостас.

И я по улице пустой
В притихшем городке
Отнес любовь мою домой,
Как просфору в платке.

И до сих пор она еще
Лежит, всё та-же, в нем
И пахнет воском и лучом —
Вот тем далеким днем.

1955

Смотри: вот эти двое — мы,
    Вот это здесь — наш дом.
Как флорентийские холмы
    Весь мир лежит кругом.

Не потому, что он хорош —
    Он нас томил и жёг,
Всегда он за спиною нож,
    Чтоб нас убить, берёг.

Но мы ему сказали: ты
    Не страшен потому,
Что есть другой, смелей мечты,
    Убьешь — уйдем к нему!

И добрым стал он с той поры,
    Он услужить нам рад,
Он тихий дом нам подарил
    И яблоневый сад.

Там, на закате, медлим мы,
    Не разлучая рук,
И флорентийские холмы
    Легко лежат вокруг.

1953

Когда я буду на земле моей
Жить (девушкой уже, конечно) снова,
Я буду всех наивней и скромней,
Совсем как ты в дни давнего былого.

Я косами затылок оплету,
Надену светлое, простое платье
И бархатку на шею — помнишь? — ту,
В которой так любил тебя видать я.

Твою я повесть свято повторю:
Я буду одному верна до гроба.
Как я с тобой, весеннюю зарю
Рука в руке не раз мы встретим оба.

И будет у меня ребенок, сын,
Которого с тобой нам нехватало.
Ему я тихо в зимние часы
Перескажу всё то, что ты сказала.

И я, как ты, не напишу стихов,
Из нищих слов сработанных убого,
Я буду лишь в тишайшем из садов
Растить цветы и ими славить Бога.

И если Он благословит меня —
Состарюсь я разумной и пригожей,
Чтоб в вечер мне назначенного дня
Уснуть с улыбкой на твою похожей.

Так ты во мне себя переживешь,
Так я, благодаря твоей любови,
С моей судьбы сотру земную ложь:
Косноязычье голоса и крови.

1950

Как поцелуй через платок,
Что хуже свёл с ума,
Как та приписка между строк,
В которой суть письма,—

Так наша встреча началась
В те дни далеких лет:
Вся любопытство, а не страсть,
Вся прихоть, а не бред.

Но был губительным ожог
Тех ветреных утех,
Ты не смогла и я не смог
Разъять объятий тех.

И вот, как видишь, сбереглось
И будет жить века
То, что когда-то началось
Как-будто с пустяка.

1953

Я вспоминать люблю об этом
Далеком и счастливом дне.

Он начался простым рассветом,
Зарозовевшим на сосне,
И разгорался понемногу
Всё радостней и горячей.
И вот, в туфлях на босу ногу
И с полотенцем на плече,
Сперва дорожкою по саду,
Затем тропинкой под уклон —
Туда, где пруд ночной прохладой
Еще блаженно напоён.
И вдруг (я ветки раздвигаю),
Вся в брызгах солнца и воды —
Ты, ослепительно нагая,
Виденье неги и беды.

С тех пор (прости мое признанье,
Ты будешь им удивлена . . .),
С тех пор в моем воспоминаньи
Ты навсегда обнажена.
И пусть известно мне, что где-то,
Давно уже немолода,
Живешь ты, тщательно одета
И оскорбительно горда,—
Ты вот такою сохранилась
Сквозь всё нагроможденье дней
В прозрачной памяти моей.

Благодарю за эту милость!

1955

Я в памяти тебе, как худшему жильцу,
Каморку тесную отвел под самой крышей.
Там, непричесана и в платье не к лицу,
Ты коротаешь дни и с каждым днем — всё тише.

Я не стучусь к тебе. Но в полночь, в тишине,
Со связкою ключей бродя по коридорам,
Сомнением порой терзаюсь я, с которым,
Я знаю, никогда не совладать вполне:

Что если там, одна, ты плачешь обо мне?

1954

Все сны, все помыслы свои
К ней, словно руки, простирая,
Ты ждешь прекраснейшей любви,
Как ждут младенческого рая.

А там давно потушен свет,
И пальмы срублены, и лани
Растерзаны, и больше нет,
О, даже разочарований.

1954

СОНЕТ О РОЗОВОМ КУСТЕ

„Gloire de Dijon"
„Madame Lelavasseur"
„Helene Valabregue"
(из каталога роз)

Усыпанный цветами, темно-алый,
Сквозной беседкой изогнулся он.
Не здесь-ли Маргарите снился сон
И Доротея Германа встречала?

Он спутник готики, в нем неги мало,
Его-бы миру не вручил Дижон,
А имена своих лукавых жён
Ему-бы Франция не завещала.

Но в строгости цветенья своего
Венчать героя или божество
Ему зато приличествует боле.

Последней славой осенять гроба,
Чтить чистоту девического лба
И пленнику быть вестником в неволе.

СОНЕТ О МЕДЕ

Засахаренным солнечным лучом
Сияет мед на блюдечке стеклянном.
Посланец неба! Гость благоуханный!
Что хочешь ты поведать нам? О чем?

Увы, мы никогда их не прочтем,
Те знаки формулы твоей нежданной,
Что в золотом ларце, от Бога данном,
У ангелов хранится под ключом.

Мы будем, волшебства не замечая,
Тебе всего лишь радоваться, к чаю
Меж булочкой и маслом получив.

Ведь тайна тайн твоих неизреченна,
И может быть, от нас сокрытый, жив
На хрупком блюдце вздох самой вселенной.

1954

Итак: мы говорим стихами,
На языке поэтов. Он
Конечно выдуман не нами
И миру только одолжён.

Недаром он почти дымится,
Почти звенит, почти летит,
Недаром от него страница
Тот след обугленный хранит.

Когда приду я за ответом
Туда, куда мы все придем,
То там (не ангелы-ли это?)
Заговорят со мной на нём.

Он будет весь уже крылатым,
Уже без слов, но всё пойму,
Затем, что на земле когда-то
Я так любил внимать ему.

1955

ЭПИТАФИЯ

НА СМЕЖНЫХ МОГИЛАХ

Были: он садовником глухим,
Я — поэтом, всем внимавшим зовам.
И трудились каждый над своим:
Он — над саженцом, а я — над словом.

Мы ушли. Но на какой-то срок
На земле неистребимо вешней
Сохранимся: я — десятком строк,
Он — посаженною им черешней.

1954

ОГЛАВЛЕНИЕ